

СВИДАНИЕ В ТЕМНОТЕ

РАССКАЗ

ДЖЕЙМС НГУГИ

Джеймс Нгуги — современный кенийский писатель. Рассказ «Свидание в темноте» печатается с некоторыми сокращениями.

ОН стоял на пороге хижины и смотрел на отца. Старый, изможденный, но еще энергичный, отец шел по деревенской улице к дому с запыленной коленкоровой сумкой на боку. Он повсюду носил с собой эту сумку. Джон знал, что в ней лежит: библия, сборник церковных гимнов и еще, наверное, тетрадь и ручка. Его отец был проповедником. Джон подумал, что это он, наверное, запретил матери рассказывать сыну народные предания, когда стал служителем господа. Мать твердила одно: «Нет, не проси. Никаких сказок! Может услышать отец». Да, она боялась отца.

Джон зашел в хижину и предупредил ее, что отец идет. Потом отец вошел. Джон молча постоял около него и направился к выходу. На пороге он замешкался, но все же вышел на улицу.

— Джон, эй, Джон!

— Да, отец?

— Вернись.

Он остановился и весь напрягся. Сердце забило учащенно: «Неужели знает?..»

— Сядь. Ты куда собрался?

— Погулять, отец, — ответил он уклончиво.

— В деревню?

— Да... То есть нет. Я хочу сказать... Так, куда особенно...

Он чувствовал тяжелый взгляд отца, который, казалось, читал все на его лице. Он виновато отвел глаза и с надеждой посмотрел на мать, которая в глубине комнаты чистила картошку. Но та даже не взглянула в их сторону.

— Когда ты должен уехать?

«Зачем он спрашивает? Я ведь уже много раз говорил...» Это Джон так подумал, а вслух произнес:

— На той неделе, во вторник.

— Правильно. Завтра пойдем покупать все что нужно. Ты слышал?

— Да, отец.

— Можешь идти.

— Спасибо, отец. — Он сделал шаг.

— Джон!

— Да? — Сердце почти замерло в груди.

— Ты, кажется, спешишь. Я не хотел бы услышать, что мой сын болтается без дела по деревне. Мне известно, что есть молодые люди, которые собираются устраивать какие-то там гулянки по поводу твоего отъезда. Лишний шум — лишние неприятности, а мне вообще не хотелось бы никаких неприятностей... Ты меня понял? Никаких...

От сердца отлегло. Джон вышел.

— Для чего ты его все время преследуешь? — только теперь спросила Сузан, которая, конечно, все слышала. Сейчас настало ее время говорить.

Она внимательно смотрела на этого старого упряма, спутника

своей долгой жизни. Она вышла за него замуж очень давно. Сначала они были счастливы. Потом он принял христианскую веру, и на все в доме легла печать религии. Мальчик рос в смертельном страхе перед отцом. Она всегда думала: был ли он строг из любви к сыну, или он вымещал на нем свое недовольство собой? Они оба согрешили перед женитьбой, и Джон был плодом греха. Но Джон-то в этом не виноват!

Она снова взглянула на мужа. Он по-прежнему задумчиво молчал, только пальцы раздраженно барабанили по щеке.

— Как будто он не твой сын. Иначе как же ты...

— Сестра... — В его голосе слышалась мольба. Она искала ссоры, но он не расположен был ссориться. В самом деле, женщины никогда не смогут понять... Женщины — всегда женщины, спасены они или нет. Нужно было защитить сына, ее и его сына, от дьявола. Сын должен был вырасти под дланью господина. Он взглянул на нее, слегка нахмурил брови. Это она заставила его согрешить, но то было так давно... Теперь-то он спасен. А Джон не должен даже знать об искушении...

— Послушай, сестра. — Он всегда называл ее сестрой. Сестрой во Христе, если говорить полностью. Но иногда он сомневался, спасена ли она на самом деле. И в сердце все время молился: «Господи, будь с нашей сестрой Сузан». Вслух он продолжал: — Ты ведь знаешь: я хочу, чтобы наш сын вырос в истинной вере.

— Но зачем так его терзать? Ты приучил его бояться тебя!

— Почему? У него нет причин меня бояться. Я зла ему не желаю.

— Ты всегда был жесток с ним! — Она неожиданно поднялась с места. — Стэнли!..

— Сестра... — Его напугала сила в ее голосе. Она никогда не была такой. Господи, уведи от нее дьявола! Спаси ее в эту минуту! Стэнли отвел глаза. Удивительно, но он, кажется, боится жены. Если сказать это людям в деревне, они не поверят. Он взял библию и принялся читать — в воскресенье он должен будет говорить проповедь братьям и сестрам во Христе.

Сузан снова принялась за картошку. Она не знала, почему так беспокоен ее сын. Может, его страшит предстоящая дорога?.. Она боялась за него.

Тем временем Джон бесцельно брел по тропинке прочь от дома. Отойдя недалеко, он остановился у большой акации, откуда была видна вся деревня, крыша за крышей. Тесно жались друг к другу слепленные из травы и глины хижины, а там, где они кончались, вздымались свои руки к господу резко очерченные силуэты ветвей. Скоро наступит ночь. Солнце, что день-деньской путешествует на запад, спешит к себе домой, за туманные холмы.

К акации, где он стоял, приближалась женщина,

согнувшаяся, как древко лука, под тяжестью своей ноши. Она возвращалась в деревню.

— У тебя все в порядке, Н'Джони? — поздоровалась она.

— Все в порядке, мать.

Джон был вежлив от природы. Это знали все. Он был совсем не похож на высокомерных сыновей племени, которые вернулись из-за Океана образованные, с белыми женами. И с черными женами, говорившими по-английски. Они и вели себя совсем как европейцы! Джон был воплощением скромности. Все знали, что Джон, хоть и сын священника, никогда не изменит своему племени. А о судьбах племени говорили сейчас беспрерывно.

— Когда ты едешь в это...

— В Макерере?

— Макелеле. — Женщина засмеялась. Она забавно произносила это название. И смеялась она весело, от души. Но Джону стало не по себе. Значит, все уже знают...

— На следующей неделе.

— Желаю тебе удачи.

— Спасибо, мать.

— Счастливо, сын.

— Иди с миром, мать.

Джон долго смотрел женщине вслед. Что дает ей силы жить в этом беспросветном каждодневном труде и быть счастливой? Откуда у нее такая вера в жизнь? Или это вера в свое племя? Ему было приятно, что люди, подобные ей, хорошо думают о нем, что он занимает какое-то место в их вере, в их жизни. И сразу же вернулись угрызения совести. Отец узнает. Все они узнают. Он не знал, чего боялся больше: гневных обвинений отца или потери той веры в него, Джона, которую несли в своем сердце простые люди его племени.

Он спустился к деревенской чайной лавке. По пути он встретил много людей, и все желали ему удачи в колледже. Да, его землякам было уже известно, что сын священника закончил все учебные заведения белых в Кении и теперь поедет учиться в Уганду¹. Об этом они прочли в «Баразе» — еженедельной газете на суахили.

Солнце уже ушло на покой, спустились сумерки. Ужин стоял на столе. Его суровый отец все еще читал библию. Он не взглянул на Джона, когда тот вошел. Странная тишина поселилась в доме.

— Ты что-то невесел, Н'Джони, — нарушила гнетущее молчание мать.

Джон рассмеялся коротким, нервным смешком.

— Что ты, мама! — поспешно ответил он, с беспокоем взглянув на отца. Он втайне надеялся, что Вамуху ничем еще не выдадал себя.

¹ Университетский колледж в Макерере (Уганда) до недавнего времени был единственным высшим учебным заведением в Восточной Африке.

— Я рада, если это не так.

Она не знала. Он съел свой ужин и пошел к другой, мужской хижине. Каждый молодой мужчина имел свою хижину. Джону раз и навсегда запретили приводить в гости девушек. Отец не желал иметь «неприятности». Даже постоять с девушкой считалось преступлением. Джон боялся своего отца, хотя иногда и сам удивлялся этому. Ему бы надо было восстать против отцовской власти, как это сделали другие образованные парни... Он зажег лампу в своей хижине. Взял ее в руки. Желтый огонек испуганно вздрогнул и потух. Он знал, что руки дрожат. Он снова зажег лампу и поспешно схватил в руки свой плащ. Пусть лампа горит, чтобы отец ничего не заподозрил. От злости Джон прикусил нижнюю губу. Он ненавидел себя за трусость.

Бесшумной тенью пересек он двор и вышел на деревенскую улицу. Тут и там смеялись, болтали, шептались парни и девушки. Им было хорошо друг с другом. «Они свободнее, чем я», — подумал Джон. Он завидовал их непринужденности и веселью. Наконец он подошел к той хижине. Она стояла в самом центре деревни. Как хорошо он знал ее — на горе себе. Что же делать дальше? Подождать снаружи? А если вместо Вамуху выйдет мать? Он решил войти.

— Можно?

— Входите. Мы здесь.

Джон стянул шляпу с головы. Да, они все были тут — все, кроме той, ради которой он пришел. Огонь в очаге замирал. Только маленькое пламя светильника слабо освещало хижину. Он молил бога, чтобы родители Вамуху не узнали его. Он старался сжаться и изменить голос, произнося приветствие. Но они узнали его и все к нему повернулись. Ведь это редкий случай, чтобы к ним зашел такой образованный парень, который знал все о мире белого человека и его знаниях и который скоро поедет в другую страну. Но в конце концов не на одном ученье свет клином сошелся. Может, ему нравится их дочь? Всякие вещи случаются на свете. Хотя Вамуху не училась, но девчонка хороша собой, и своими взглядами и улыбками она может, пожалуй, покорить любое сердце.

— Садись. Возьми стул.

— Нет. — Женщина с горечью отметила, что он не сказал ей «мать». — Где Вамуху?

Женщина торжествующе посмотрела на мужа.

— Она вышла за чайным листом. Пожалуйста, садись. Она приготовит тебе чай, когда придет.

— Да нет, пожалуй что... — он произнес еще что-то невразумительное и вышел и сразу же столкнулся с Вамуху.

А в хижине начался оживленный разговор.

— Ну, что я тебе говорила? Женский глаз не обманешь!

— Ты не знаешь эту нынешнюю молодежь!

— Но ты же видишь — Джон совсем не такой. Все хорошо говорят о нем, и он сын священника.

— То-то! Сын священника! Ты забываешь, что твоя дочь подверглась инициации².

Старик вспомнил свою молодость. Себе он нашел тогда хорошую, добродетельную жену, посвященную во все тайны племени. И она не знала других мужчин. Он женился на ней. Они были счастливы. Так же поступали и другие мужчины племени. Все их жены до замужества были девственницы. В племени считалось табу дотрагиваться до девушки, даже если ты спал с ней в одной постели, как нередко случалось.

Потом пришли белые и принесли свою странную религию и странные обряды, которым стали следовать люди племени. Новая вера не могла сплотить племя. Мужчины, которые следовали новой вере, не разрешали своим дочерям делать инициацию. И они не разрешали своим сыновьям жениться на девушках, которые совершили этот обряд. Ну и дела! Что же в результате из всего этого получилось? Молодые парни стали ездить в страну белых людей и — что бы вы думали? — привозить оттуда белых женщин. И черных женщин, которые говорили по-английски. Да, да — вот именно! Да и оставшиеся молодые мужчины не терялись. Они делали незамужних девушек своими женами, а потом оставляли их с детьми, не знаящими отцов.

— Ну и что? — возразила жена. — Разве Вамуху стала от этого хуже? Да и Джон не такой, как все остальные.

— Не такой, не такой! Все они одинаковы. А хуже всех те, что вымазаны белой глиной обычаев белого человека. У них нет ничего за душой. Ничего, совсем ничего. — Он взял сучок и раздраженно начал помешивать затухающий огонь. Почему-то ему стало холодно. Он дрожал. И боялся. Боялся за племя. Потому что теперь он видел, что чужие обычаи проникли не только в жизнь образованных людей, но и в жизнь всех людей племени. Старик дрожал и беззвучно плакал, горюя о племени, которое распадалось на глазах.

Джон и Вамуху молча шли рядом. Запутанные улочки и повороты хорошо были знакомы обоим. Вамуху шла быстрыми легкими шагами. Она была счастлива, Джон видел это. Он же еле волочил ноги. И он избегал людей, хотя было темно. Но чего было стыдиться? Вамуху была красивая — может быть, самая красивая девушка во всем Лимуру. И все же он боялся, что его увидят с ней. Он за-

² Инициация, или «посвящение», — традиционный обряд у африканских народов, после совершения которого юноши и девушки считаются совершеннолетними. Одним из необходимых элементов инициации является обрезание.

путался. Все происходит не так, как надо. Он ясно представлял себе, что раньше, сначала, он любил ее. Но любит ли он ее теперь? Он не знал.

Миновав последнюю хижину, ни он, ни она не остановились. За все это время они не произнесли ни слова. Вероятно, потому, что молчание было значительнее слов. Они хорошо понимали друг друга и так.

— Они знают?

Молчание. Вамуху, наверное, обдумывала ответ

— Не заставляй меня ждать. Пожалуйста, говори же! — умолял он. Он почувствовал усталость, большую усталость, подобную той, что испытывает старый человек, долгий путь которого внезапно пришел к концу.

— Нет. Ты просил меня подождать еще неделю. Сегодня последний день.

— Да. Поэтому я и пришел! — хрипло прошептал Джон. Перед его взором маячила фигура отца, высокомерного в своей истовой религиозности и власти.

— Это была твоя вина. — Он нашел в себе силы обвинить ее, хотя его сердце знало, что это ложь.

— Почему ты все время говоришь мне это? Разве ты не собираешься на мне жениться?

Джон вздохнул. Он не знал, что делать.

— Когда ты скажешь им? — спросил он глухо.

— Сегодня.

Его охватило отчаяние. На следующей неделе уже нужно уезжать в колледж. Если бы он смог убедить ее подождать... («Я ведь могу уехать и вернуться, когда все останется позади!») Но тогда правительство наверняка лишит его стипендии. В его голосе зазвучала мольба, когда он решился заговорить опять:

— Послушай, Вамуху, ты давно уже бер... Я хочу сказать... Ну, вот это самое...

— Я уже сколько раз говорила тебе — я беременна уже три месяца, и мать подозревает. Только вчера она сказала, что я дышу, как женщина с **ребенком**.

— **Как ты думаешь, ты не могла бы подождать еще недели три?**

Она засмеялась. Все он что-то выкручивается что-то колдует... Неужели нельзя без фокусов?..

Ее смех всегда возбуждал в нем желание.

— Хорошо, — сказал он. — Дай мне только завтрашний день. Я что-нибудь придумаю. Завтра же тебе и скажу...

— Я согласна. Завтра. Я не могу больше ждать... Или ты не хочешь жениться на мне?

«Почему не жениться на ней? Она ведь красивая! Почему бы и не жениться?.. Да, но люблю ли я ее по-настоящему?..»

Она ушла. Джону казалось, что она обманывает, умышленно мучит его. Он лежал на траве, думать ни о чем не хотелось. О нет, он, наверное, не сме-

жет взглянуть в глаза отцу. Или матери. Или Ревенденду Карстону, который так верил в него.

Джон понял, что, хотя он и стал образованным, он такой же беззащитный, как и все. Такой же, как Вамуху. Так почему же не жениться на ней? Он не знал. Он вырос у отца-кальвиниста, а директором его школы был миссионер-кальвинист. Джон попробовал молиться. Но кому надо молиться? Богу Карстона? Это будет фальшиво. И это будет богохульство. Тогда, может, ему молиться богу племени?.. Он был раздавлен сознанием собственной вины.

Он очнулся. Вамуху дала ему еще день. Он встал и неверной походкой направился к дому. Почему? Почему? Разве он не может пренебречь всеми надеждами, которые на него возлагают, всеми видами на будущее и жениться на этой девушке? Нет. Нет. Он не может. Она подвергнута инициации, и он знал, что отец и церковь никогда не согласятся на этот брак. Если он женится на ней, он навсегда лишится возможности когда-нибудь попасть в колледж.

В хижине матери все еще горел свет. Ему следовало войти туда и помолиться на ночь. Но он прошел мимо — у него бы не хватило мужества взглянуть в лицо родителям. В его хижине свет погас. Он надеялся, что отец этого не заметил...

Джон проснулся рано. Он был напуган сном. Суеверным он не был, но все же не любил дурных снов. Ему приснилось, будто он принимает участие в обряде племени. Кто-то — он не разглядел лица — пришел и повел его, потому что сжалился над ним. Они пришли в незнакомую местность. Каким-то образом он оказался один. Незнакомый исчез. Появился призрак. Джон узнал его — это был дух того дома, который Джон оставил. Дух потащил его назад. Потом появился другой дух. Это был дух страны, куда он пришел. Он потащил его вперед. Что-то ужасное надвигалось на него, все ближе, ближе... Он проснулся весь в поту. Такие сны не сулили ничего хорошего. Они предвещали смерть...

Как можно верить в сны? Он засмеялся. Открыл окно — все было окутано туманом. Чудесное июльское утро в его Лимуру. Холмы, горные хребты, долины и плоскогорья, обступившие деревню, — все потерялось в тумане. Все казалось непривычным и таило в себе какое-то особое очарование.

Вчерашний разговор всплыл в памяти и отравил его радость. Он сбросил одеяло и вышел на улицу. Сегодня они с отцом должны сделать закупки к отъезду. И сегодня день расплаты. Он вздрогнул. Как же ему не повезло, что это случилось с ним как раз в те дни, когда он собирается уехать в Макеререл!

Они отправились за покупками. Весь день он молча переходил за отцом из лавки в лавку, где они покупали необходимые в дорогу вещи у долговязых и задумчивых индийцев. И весь день Джон

размышлял, почему он так боится отца. Он вырос в страхе перед ним, и трепет охватывал его, когда отец говорил или приказывал. И не только его.

Стэнли боялись все. Он читал проповеди с большой страстью. Он старался не подпустить паству даже к воротам ада и без усталости проповедовал, порицал, осуждал и проклинал. Он был известен как строгий и неукоснительный блюститель морали — может быть, слишком строгий, до ханжества. Может быть... Но простым прихожанам это было невдомек. Если кто-нибудь из пожилых нарушал правила, он изгонялся из общины или совсем отлучался от церкви. Молодые мужчины и женщины могли быть отлучены, даже если их видели стоящими рядом, так, «что это порочит церковь и нормы поведения, данные нам от бога». И многие молодые парни пытались служить двум богам, встречаясь ночью со своими девушками, а днем посещая церковь.

Чтобы иметь право так относиться ко всем людям в деревне, необходимо было быть особенно строгим к самому себе. И Стэнли требовал от своих домашних, чтобы его семья была примером для людей. И главным образом поэтому он хотел, чтобы его сын учился дальше. Однако его душа никогда не была спокойной — он не мог забыть, что согрешил до женитьбы.

Наконец все было куплено. За весь день отец ни словом, ни намеком не упомянул о прошедшей ночи. Они пришли домой, и сын думал уже, что все в порядке, когда отец позвал его.

— Джон?

— Да, отец.

— Почему ты не пришел молиться вчера?

— Я забыл...

— Где ты пропадал?

— Я... Я хочу сказать... Я был...

— Ты не должен ложиться спать без молитвы. Обязательно зайди сегодня вечером.

— Я приду.

Джон вышел успокоенный. Пока все в порядке — он не знает.

Наступил вечер. А Джон так ничего и не придумал. После этой ночи все будут знать. Даже Реверенд Карстон узнает. Он вспомнил Реверенда Карстона и последние слова, которыми тот благословил его: «Ты идешь в мир. Мир ждет, подобно голодному льву, чтобы проглотить и сожрать тебя. Берегись!» Реверенд Карстон предвидел его падение. Да! Он будет низвергнут прямо в открытые, ждущие его ворота ада. Он пришел к условленному месту, совершенно не зная, что сказать девушке. Он начал так:

— Послушай, Вамуху. Разреши мне дать тебе деньги. Ты можешь тогда сказать, что виноват кто-

КНИГИ ПО КУЛЬТУРЕ АФРИКИ

«Литература стран Африки». Сборник первый. М., издательство «Наука», 1964, 200 стр.

Исследование африканских литератур — новая область литературоведения и африканистики. Особый интерес вызывает современная проза и поэзия Африки, в особенности тех стран, где письменная литература возникла лишь в нашем веке.

Советские литературоведы-африканисты выпустили первый сборник своих работ о литературах Нигерии, Ганы, Анголы, Мозамбика, ЮАР, Эфиопии. Статьи В. Ивашевой — о нигерийской прозе наших дней, В. Вавилова — о достижениях ганской литературы, Л. Некрасовой — о поэзии португальских колоний в Африке, С. Картузова — о южноафриканском антирасистском романе и другие будут внимательно прочитаны всеми, кто интересуется литературой пробудившегося континента.

то другой. Сотни девушек делали это! И тогда тот человек женится на тебе. Ты же знаешь...

— Ты в своем уме? Как ты можешь, ты...

— Я дам тебе двести шиллингов.

— Нет!

— Триста...

— Нет! — Она почти кричала. Он вконец измучил ее.

— Четыреста... Пятьсот... Шестьсот...

Джон начал разговор спокойно, но теперь его голос дрожал. Он был в отчаянии. Понимал ли он, о чем говорит? Он выкрикивал цифры быстро, не переводя дыхания, в страшной спешке. Девять тысяч... Десять... Двенадцать тысяч... Он потерял разум. В темноте он подскочил к Вамуху, положил ей руки на плечи и продолжал свистящим шепотом умолять... Где-то внутри поднимался и не отпускал его страх, жуткий ужас перед отцом, перед людьми в деревне. Этот страх слепил его разум. Он начал свирепо трясти девушку. «Сумма» дошла до пятидесяти тысяч шиллингов и все время увеличивалась. Вамуху в ужасе вырвалась из его объятий, объятий сумасшедшего и образованного сына фанатика, и побежала. Он помчался следом, удерживая ее и вызывая к ней всеми ласковыми словами. И догнал ее, схватил и затряс изо всей силы... Она вдруг дико вскрикнула и упала. Он в растерянности оцепенел, потом наклонился над ней и стиснул пальцы на ее горле...

Перевел с английского
Г. Головнев